

ЛННБ України ім.В.Стефаника

00344187 (R)

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

на правах рукописи

АНДРУХ СВЕТЛАНА ИВАНОВНА

УДК 930.25

НИЖНЕДУНАЙСКАЯ СКИФИЯ В VI – НАЧАЛЕ I В. ДО Н.Э.

/ ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ /

Исторические науки 07.00.06 – археология

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Киев – 1992

302
№В 25.918
Работа выполнена на кафедре древнего мира и средних веков
Одесского государственного университета им. И.И.Мечникова

Научный руководитель - проф. П.О.Карышковский

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук - Ю.Г.Виноградов

кандидат исторических наук - Н.А.Гаврилюк

Ведущая организация - Институт истории материальной культуры РАН

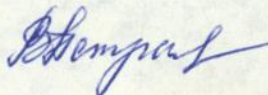
Защита состоится "12" ноября 1992 г. в 14 часов на
заседании специализированного совета по защите докторских дис-
сертаций при Институте археологии АН Украины. Шифр Д 016.47.01.

252025, г.Киев, ул.Владимирская, 3

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Института археологии АН Украины /г.Киев, ул.Выдубецкая, 40/.

Автореферат разослан "9" октября 1992 г.

Ученый секретарь специализированного совета
кандидат исторических наук

 В.А.Петрашенко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. К середине I тыс. до н.э. основным населением на обширных пространствах степей Северного Причерноморья стали скифы, которые надолго определили этно-политическую карту региона. Проблемы, связанные с их социально-экономическим развитием, внутренней и внешней политикой, широко разрабатываются в современном скифоведении. Наибольшие пробелы, в силу, в основном, источниковедческих причин, имеются в вопросах, связанных с определением времени и характера освоения скифами западной периферии причерноморских степей - Нижнего Подунавья. Между тем, этот регион, из-за своего географического положения, на всем протяжении скифской истории был местом постоянных военных столкновений, культурных и этнических взаимопроникновений скифского, фракийского и греческого миров.

Особенности исторического развития населения региона или отдельные его моменты получили широкое освещение в многочисленных обобщающих и специальных трудах отечественных и зарубежных исследователей. В первую очередь следует отметить целую серию работ А.И.Мелюковой, где на основе анализа археологических и письменных источников дано наиболее полное сопоставление материальной культуры скифов и фракийцев, показана их самобытность и характер заимствований, проявившихся наиболее ярко в IV в. до н.э. /1969; 1976; 1979/. Ею же были уточнены границы скифов и фракийцев, которые для VI-V вв. до н.э. предлагалось проводить по Пруту, а в IV-III вв. до н.э. - по Днестру. Огромное значение для изучения Скифии периода Атея имеют исследования В.Илиеску, проделавшего большую работу по определению характера и степени влияния на фракийские народы западной экспансии скифов /1969; 1971; 1975/. К исторической интерпретации личности Атея и оценке последствий скифо-македонского конфликта неоднократно обращался Д.Б.Шелов /1965; 1971/. Занимаясь проблемой развития фракийцев на территории Добруджи, на вопросах западных передвижений скифов и характере их влияний на развитие местного населения оставались Д.М.Пиппиди, Д.Берчиу /1965; 1967/, М.Иримию /1973; 1980; 1984/. Отдельные периоды жизни скифов в связи с оценкой их взаимоотношений с греческими городами освещались в работах Т.В.Блаватской /1952/, П.О.Карышковского /1971; 1985/, Д.Г.Виноградова /1983; 1989/ и многих других.

Однако сопоставление существующих точек зрения показывает значительные расхождения исследователей в интерпретации как самого хода освоения скифами левобережья Дуная, так и их роли в жизни населе-

ния сопредельных регионов и, более того, степени влияния некоторых политических событий на развитие всего общества в целом.

Это со всей очевидностью свидетельствует о незавершенности изучения данной темы и сохранении ее актуальности. Накопление в последние годы многочисленного археологического материала, появление новых эпиграфических и нумизматических данных создали возможность пересмотра ряда устоявшихся положений, уточнения спорных моментов, что в целом позволяет составить более широкое представление об особенностях исторического развития региона в скифский период.

Хронологические и территориальные рамки работы. Хронологический диапазон работы – конец VI–начало I в. до н.э. определен временем появления и окончательного исчезновения скифского этноса в Подунавье. Рассматриваемая территория на востоке ограничена степной частью междуречья Днестра и Дуная, на юго-западе – восточной Добруджей.

Цели и задачи исследования. Цель работы заключается в определении времени пребывания скифов в Нижнем Подунавье и реконструкции этно-политической обстановки в регионе на всем протяжении скифской истории. Для достижения ее решались следующие задачи: 1/ проведен анализ письменных источников по размещению варварских племен и расстановке военно-политических сил в устьях Дуная; 2/ сделан обзор скифских памятников региона и вычленены хронологические группы; 3/ определены степень и характер взаимодействий скифского и фракийского мира в их динамическом развитии.

Методика работы. заключается во всестороннем анализе, систематизации, хронологическом сопоставлении всех видов источников, выявлении типологических особенностей в археологических материалах, что позволяет выявить общее и локальное в развитии скифского общества на его западной периферии.

Источниковедческой базой послужили многочисленные сведения греческих и римских авторов об этно-политической ситуации в Нижнем Подунавье, публикации скифских комплексов в отечественных и зарубежных изданиях /Румыния, Болгария/. Используются также неопубликованные коллекции Измаильского музея и отчеты из архивов ИА АН УССР и ИИ АН МССР. По финальному этапу скифской истории в Подунавье привлечены нумизматические и эпиграфические материалы.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые с привлечением разнообразных источников показана эволюция этно-политической обстановки в Подунавье на протяжении всей истории скифов. Отражена динамика освоения скифами левобережья Дуная и взаимоотношений их с окружающими народами. Определено, что западная периферия Скифии с кон-

ца VI по начало III в. до н.э. была включена в ареал этнического и политического господства скифов, непоколебленного даже после разгрома Атея. Выделены периоды и освещается характер западных экспансий скифов. Предложено решение целого ряда вопросов по Малой Скифии в Добрудже, а именно: определены хронологические и территориальные рамки ее существования, уточнен этнический состав населения, показан характер внешней политики.

Практическое значение работы заключается в возможности использования результатов исследования при создании археологической карты Подунавья в рассматриваемый период, в написании обобщающих работ по истории региона и Скифии в целом, при чтении общих и специальных курсов в ВУЗах.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях скифо-античного сектора ИА АН Украины, нашли отражение в докладах на научных конференциях /Кировоград, 1987; Киев, 1987; Запорожье, 1989; Рени, 1989; Одесса, 1989, 1990/. Наблюдения и выводы автора изложены в серии опубликованных статей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность темы, определены цель и задачи исследования, показана научная новизна и практическая ценность работы.

Глава I. Источники и историография о населении Нижнего Подунавья
Сведения древних авторов рассмотрены в хронологической последовательности изложения событий, что дает реальную картину динамики этно-политической обстановки в регионе. При уточнении датировки тех или иных сообщений широко использовался труд М.И.Ростовцева /1925/. Наиболее полновесным источником по ранней истории скифов является 4 книга "Истории" Геродота. Особое значение для работы имеет определение западных границ Скифии, достаточно противоречиво показанных историком. Попытки локализации их вызвали в историографии до сих пор не утихающую дискуссию. Сейчас общепризнанным в советской и зарубежной литературе стало проводить западные границы Скифии VI-V вв. до н.э. по Пруту и Дунаю /Мелюкова, 1979/. Об этом совершенно определенно говорит сам Геродот, размещая за этими реками нескифские народы. Дунай, как пограничный рубеж скифов, фигурирует и у Помпония Мелы, опиравшегося на геродотовскую традицию. Обращаясь к размещению народов "отцом истории" оставлявшему пространство к западу от Днестра незаселенным, можно полагать, что оно было близко по времени к походу Дария, когда в Подунавье не отмечалось стабильного скифского населения. Уже после войны с персами Геродот регистрирует усиление активно-

сти скифов в Подунавье, в результате чего, видимо, происходит постепенное освоение этого региона.

В Подунавье скифы столкнулись с противостоящими им на западе военно-политическими формированиями одрисов и агафирсов, предотвратившими их внешнюю экспансию. С расширением владений одрисов до устьев Дуная, границы скифов и фракийцев окончательно стабилизируются. Женитьба скифского царя Ариапифа на дочери правителя одрисов — Тереса интерпретируется в литературе как I мирный скифо-фракийский договор /Виноградов, 1980; Йорданов, 1988/, во многом способствовавший мирному урегулированию пограничных конфликтов. Из сообщений Геродота о гибели Ариапифа от руки царя агафирсов можно предположить, что отношения скифов с их соседями на северо-западе имели более обостренный характер.

На стабильность границ между двумя варварскими мирами по Дунаю на протяжении всего V в. до н.э. указывает и Фукидид, давший оценку общеполитической ситуации на Балканах рубежа 30–20 гг. О некоторых обострениях между скифами и фракийцами, возникавших по причине нарушения границ, свидетельствует упоминание битвы, закончившейся разгромом скифов, в трагедии "Рес" Эврипида. Этот сюжет не имеет четкой хронологической привязки, однако несомненно, что с распадом государства одрисов возможность вторжений скифов к югу от Дуная становится реальностью.

После обширной, хотя и не всегда четкой характеристики причерноморских народов Геродотом в письменной традиции наступает длительный перерыв, а позднейшие историки такого подробного описания, за исключением освещения деятельности Атея, не дают.

Для IV в. до н.э. в трудах пс.-Скилака, и опиравшихся на более древнюю традицию пс.-Скимна, Страбона, Истина и др., сохранились сведения о полном освоении Буджакской степи скифскими племенами, начале проникновения их на Балканы, которое привело к конфронтации с фракийцами и трибаллами, и окончании ее в результате разгрома скифов Македонией. Отрывочные сведения Птолемея Лага, Истина, Диодора показывают для конца IV–начала III в. до н.э. резкое обострение военно-политической ситуации в Подунавье, вызванное дальнейшей деятельностью македонских войск, продвижением к низовьям Дуная трибаллов, появлением здесь ряда фракийских военно-политических объединений, что в совокупности способствовало ослаблению скифов, ускоренному кризисом всей степной Скифии. Этот момент нашел отражение в переименовании Буджакской степи из "скифской" в "гетскую" пустыню и относится по мнению П.О.Карышковского ко второй половине III в. до н.э.

/Каришковский, 1971/.

Следующие сведения о скифах, но уже в Добрудже, получившей наименование "Малая Скифия", переданы Страбоном, пс.-Скимном, Плинием Старшим, которые рисуют их проживание здесь в достаточно сложных условиях, в полном окружении фракийцев, с которыми они вынуждены часто вести борьбу за место под солнцем. К концу III в. до н.э. в Подунавье появляются воинственные племена бастарнов, которые становятся ведущей политической силой в Северо-Западном Причерноморье и неоднократно известны в Добрудже. Во II - начале I в. до н.э. коренное население Добруджи, а вместе с ним и Малой Скифии втягивается в орбиту римско-македонских войн, а впоследствии и римско-пантийского противостояния /Молев, 1986; Meglín, 1986/, что в конце приводит к полной дестабилизации здесь скифов и уходу их с политической арены.

Вероятно, к этому времени происходит окончательное смешение скифов с проживавшими рядом народами, что нашло отражение в появлении у Страбона, Плиния Старшего, Диона Кассия термина "кельто-скифы" или "скифы-бастарны". Слабые отголоски о проживавших ранее на территории Добруджи скифах запечатлелись и в творчестве Овидия /Подосинов, 1985/ и даже в поименовании Диоклетианом Добруджи как отдельной римской провинции "Малой Скифией".

Ценным материалом для реконструкции динамики этно-политической обстановки в Подунавье являются данные археологии. К настоящему времени на территории Буджакской степи исследовано 57 пунктов, содержащих более 300 разновременных скифских погребений. Четыре скифских погребения известны в Запрутской Молдове. На левобережье Дуная, в северо-восточной Мунтении /округ Брэилы/ открыто восемь памятников, содержащих более сорока погребений; в районе Яломицы - один памятник, число погребений неизвестно. Самое удаленное погребение найдено восточнее Бухареста /с.Гурбанешты/. На территории румынской Добруджи открыто десять скифских памятников /более 10 погребений/; на северо-востоке Болгарии - два погребения.

Помимо погребальных комплексов на архаичных поселениях Днестровского лимана, на стойбище у с.Этулия в низовьях Дуная и на гетских поселениях прибрежной части Добруджи отмечены находки скифской керамики, происходящие из слоев УI-У и УУ-Ш вв. до н.э. Коллекция скифских вещей из Буджака и Добруджи пополняется также случайными находками оружия, украшений и каменных изваяний.

Краткая характеристика памятников приводится соответственно выделенным хронологическим группам.

Для УI в. до н.э. известно всего одно впускное захоронение у

с. Огородное. Более представительна группа погребений конца УІ-У в. до н.э. /Арциз, Борисовка, Червоный Яр, Шевченково, Траповка, Помазаны, Дивизия/. Эту серию увеличивают захоронения из Запрутской Молдовы /по два у гг. Васлуй и Хушь/ /Мелюкова, 1979/ и Мунтении /погребения у Кискан и Скорцару Вене/ /Сіткі, 1983/. Данные комплексы не образуют компактных групп. Погребения основные, реже впускные, иногда сопровождаются конем. Они совершены в простых грунтовых ямах, иногда с деревянной конструкцией, реже с уступом. Костяки вытянуты на спине головой на запад. Инвентарь представлен наступательным и защитным вооружением, украшениями, выполненными в зверином стиле.

В конце У - ІУ в. до н.э. количество погребальных памятников в Буджакской степи и западнее резко увеличивается и составляет более 99% всех скифских захоронений региона. При сохранении таких черт как впуск в курганы эпохи бронзы, возведение самостоятельных насыпей, в ІУ в. до н.э. увеличивается число впускных захоронений в курганы скифской эпохи, перекрытие нескольких могил одной насыпью. Картографирование памятников показывает равномерное распределение их по всему Дунай-Днестровскому междуречью с концентрацией стационарных могильников в долинах степных речек и в местах переправ через Днестр и Дунай.

По-видимому, с локальными группами скифов связано появление многочисленных курганных, реже грунтовых могильников. Сейчас только в Дунай-Днестровском междуречье исследовано 14 могильников, в которых выявлено более 70% всех известных в Буджаке погребений /Редина, 1989; Андрух, 1991/. В Мунтении известны еще два скифских могильника, разрушенных строительными работами и исследованных частично.

Насыпи курганов /как одиночных, так и в составе могильников/ обычно земляные, сильно спланированные и почти не выделяются в рельефе. Редкие курганы достигают I-I,5 м высоты /Борисовка, к. 10; Плавни, к. 27, 28; Заря, к. 1 и др./. Среди них выделяется могильник у с. Балабан, где высота курганов варьировала от 1,5 до 5 м. Сооружение каменных конструкций типа кромлеха или крепиды отмечено в единичных случаях /Семеновка, к. 15, 16, 23; Кочковатое, к. 48; Курчи П, к. 25/.

Среди конструкций погребальных ям отмечены простые ямы, ямы с уступом, катакомбы I, II и III типов /по классификации В.С. Ольховского/. Соотношение разных типов сооружений для одиночных курганов и для могильников неодинаково. Так, для первых более характерна практика сооружения простых прямоугольных ям - более 50% от общего числа учтенных погребений. Катакомбы I типа составляют около 25%. Остальные типы конструкций распределены в курганах поровну.

В могильниках также преобладают простые ямы. Однако следует отметить, что комплексы Плавни I, Кисканы, Измаил, Дивизия содержат только этот тип конструкций /примерно 40% от общего числа захоронений всех могильников/. Без учета количества погребений в перечисленных памятниках соотношение различных типов погребальных конструкций резко изменяется – катакомбы II типа составляют немногим более 50%, катакомбы I и III типов и простые ямы примерно по 15%, незначительные доли процентов представлены иными конструкциями. Соотношение их в пределах одного могильника также различно: в Балабанах отмечено сочетание простых ям и ям с уступом; в могильниках Курчи и Курчи II представлены катакомбы I типа и простые ямы; в могильниках Кубей и Мрснота Могила – ямы и катакомбы I и II типов, причем первые катакомбы единичны; на могильниках Градешка, Кугурлуй и Дервент катакомбы II и III типа представлены в равных пропорциях /Редина, 1989/. В тех же случаях, когда под одной насыпью находилось по два, реже – три погребения, то за редким исключением /Мрснота Могила/ отмечается идентичность конструкций.

Преобладает обряд труположения с вытянутыми на спине костями, головой на запад; в катакомбах III типа – головой на север. Скорченное положение, ориентировка на восток – единичны.

Захоронения сопровождалось традиционным набором вещей – оружием, местной и привозной керамикой, украшениями, бытовыми предметами, редко конской уздой. Влияние фракийского мира проявляется в основном в материалах придунайских комплексов.

Детальное восстановление динамики освоения скифами нижнедунайского региона по археологическим реалиям затруднено вследствие широких датировок многих комплексов, которые суммарно отнесены к IV–III вв. до н.э. Вместе с тем, на основе некоторых категорий инвентаря с узким диапазоном бытования и сопоставления их с известными конструкциями погребальных ям уже сейчас можно выделить несколько хронологических групп:

1/ к концу V–первой половине IV в. до н.э. отнесены погребения в прямоугольных ямах и катакомбах I и II типов на основании находок амфор Менды и Гераклеи с клеймами I и III типов, аттической чернолаковой керамики и истрийских монет /могильники Плавни I, Чауш, Дивизия, Кубей, Васильевка, отдельные курганы у с. Плавни, Нагорное, Островное/.

2/ ко второй половине IV–началу III в. до н.э. отнесены погребения в прямоугольных ямах, катакомбах III типа, реже I и II типов на основании аттической керамики, клейм херсонесских амфор, отдельных гончарных сосудов, бус /могильники Градешка, Кугурлуй, Дервент, Кисканы, от-

дельные курганы у с.Огородное, Кочковатое, Констанца Суд и др./.

С этими группами суммарно можно соотнести и большинство находок скифской керамики на поселениях Добруджи.

3/ С начала III в. до н.э. фиксируется резкое уменьшение скифских памятников на указанной территории. По крайней мере, оснований для выделения какой-либо группы комплексов III в. до н.э. не имеется. Тем более интересно обнаружение скифской керамики в Добрудже, в погребении могильника Николае Бэлческу, датирующемся по клейму синопской амфоры второй половиной III в. до н.э.; на поселениях Мошняны и Аджижа, ранние слои которых относятся к III в. до н.э.; погребений в каменных гробницах у Мангалии и 2 мая. В Дунай-Днестровском междуречье в могильниках Семеновка и Курчи II зафиксированы тризны, первая из которых по налобнику с крючком, амфорам Родоса и Косса, а вторая — по клеймам Родоса, датируются концом III — началом II в. до н.э.

Сопоставление археологической ситуации в Подунавье с восточными районами степной Скифии показывает абсолютное тождество в характере и динамике их развития.

Глава II. Скифы в Нижнем Подунавье в VI-IV вв. до н.э.

Анализ источников показывает, что вплоть до рубежа VI-V вв. до н.э. для Дунай-Днестровского междуречья характерно политическое равновесие, вызванное синхронностью освоения степи кочевыми скифами, лесостепи Молдовы — земледельческими племенами гетов, и побережья Черного моря — греками-колонистами. На начальном этапе расселения ни одна из этих этнических групп не обладала достаточным потенциалом для утверждения своего господства, что, безусловно, не исключает возможности определенных конфронтаций. Центром культурной и экономической жизни при слабой заселенности степных пространств становятся поселения греческих колонистов на левобережье Днестра, что стимулирует приток сюда варварского населения степи и лесостепи.

Коренные изменения в этно-политической ситуации в Подунавье происходят в конце VI-начале V в. до н.э. С установлением господства скифов в Причерноморье Буджакская степь становится одним из центров активных взаимодействий, имевших часто агрессивный характер, различных народов, проживавших в сопредельных районах.

По вопросу о степени освоенности и позициях скифов в Нижнем Подунавье в скифоведении принято мнение А.И.Мелюковой, согласно которому западную границу расселения скифов в VI-V вв. до н.э. следует проводить по Пруту и Дунаю, причем понимать под этим нужно не собственно процесс заселения данной территории, а формирование границ "скифского политического образования". В IV-III вв. до н.э. границей

между скифами и гетами стал Днестр, хотя во времена Атея скифы занимали в Нижнем Подунавье господствующие позиции /Мелюкова, 1969; 1979/. Накопление новых археологических данных позволяет уточнить это положение. Так, малочисленность скифских памятников VI–V вв. до н.э. в Буджакской степи, свидетельствующих о степени заселенности региона, соответствует археологической картине во всей степной Скифии. С конца V в. до н.э. ситуация резко изменяется. В Буджаке появляются многочисленные курганы, формируются целые могильники. Массовое распространение скифских памятников с рубежа V–IV вв. до н.э., их хронологически равномерное распределение позволяют отказаться от мнения, что освоение западной периферии Скифии происходило в результате экспансии Атея на Балканы или вследствие давления с востока сарматов. Расселение скифов в данной зоне имело независимый характер и происходило синхронно с освоением всего степного Причерноморья. Как показывает анализ письменных и археологических источников, с конца VI по рубеж IV–III вв. до н.э. господствующие позиции на левобережье Дуная занимали неизменно скифы.

В болгарской литературе высказана мысль о формировании в Буджакской степи с VI в. до н.э. некоей синкретичной фрако-скифской зоны с культурным и этническим слиянием двух этносов /Йорданов, 1987; 1988/. Археологически этот вывод не подтверждается; погребальные комплексы имеют типично скифский характер. Фракийское влияние прослеживается в появлении бытовых вещей не ранее IV в. до н.э. и в основном в придунайском районе, что еще раз подтверждает правоту А.И.Мелюковой о самостоятельном развитии скифской и фракийской культур /Мелюкова, 1979/. О возможной вероятности этнического смешения можно полагать также не ранее IV в. до н.э., с локализацией его в низовьях Днестра и Дуная, где отмечены поликультурные поселения. Этот процесс мог происходить также севернее, на границе степи и лесостепи. Здесь уже в конце V – IV вв. до н.э. среди фракийских памятников появляются скифские захоронения /Суручены, Данчены/, что свидетельствует о совместном проживании в контактной зоне двух этносов в отличие от более раннего периода.

В оценке взаимоотношений скифов с греческими городами Поднестровья мы разделяем мнение Ю.Г.Виноградова об установлении в V в. до н.э. варварского протектората и ликвидации его в конце столетия вследствие внутривосточной борьбы в Скифии /Виноградов, 1989/. Однако отметим, что не последнюю роль в динамике греко-скифских отношений играли и изменения в экономике скифов. Согласно разработкам Н.А.Гаврилюк /1987; 1989/ уже в конце V в. до н.э. начинается пере-

ход части кочевников к полуоседлому образу жизни. Трансформация экономики наряду с политической дестабилизацией, безусловно, способствовали снижению внешнеполитической активности скифов, что выразилось в утрате диктата по отношению к полисам и поиску новых форм сосуществования. В IV в. до н.э. между этими обществами, видимо, преобладали торгово-экономические контакты. В низовьях Днестра начинается оседание скифов на землю, что нашло отражение в зарождении к середине IV в. до н.э. смешанных греко-скифских поселений. По наличию скифской посуды фиксируется присутствие скифов и в греческих городах Поднепровья.

Заселив степи Причерноморья вплоть до Дуная, скифы неоднократно притязали на западные территории. Археологическим подтверждением сведений Геродота о вторжениях скифов во фракийские земли являются находки каменных изваяний в Добрудже и скифских погребений в Запрутской Молдове. С этими же событиями румынские археологи связывают и возникновение на востоке Молдовы серии укрепленных городищ. Однако, столкнувшись в своей захватнической политике с мощными силами одрисов и агафирсов, скифы надолго приостановили свои продвижения на запад.

В IV в. до н.э. начинается новый этап скифской экспансии во фракийские земли. До сих пор традиционным являлось мнение, что скифские интересы связаны с Балканами. Сейчас можно выделить два направления в их западных передвижениях: на правобережье Дуная - в Добруджу и на левобережье - в Мунтению. О втором направлении свидетельствуют скифские могильники Кисканы, Мурджанка и отдельные подкурганые захоронения. Основная масса этих комплексов относится к IV в. до н.э. В то же время наличие отдельных погребений конца V в. до н.э. показывает, что продвижение на левобережье началось еще задолго до событий, связанных с Атеем.

Общепризнано, что массовое передвижение скифов в Добруджу стало возможным только после распада державы одрисов в 357 г. до н.э. /Блаватская, 1952; Шелов, 1971/. Однако следует отметить, что разгоревшаяся в конце V - начале IV в. до н.э. борьба между наследниками Севта I и неблагоприятные внешние условия, сложившиеся ко времени объединения державы Котисом I /380-357 гг./ ослабляли царство одрисов и отвлекали от охраны северных границ, что, безусловно, способствовало началу более ранних переходов скифов за Дунай.

Вторжение скифов в земли фракийцев не имело разрушительных последствий. В Добрудже продолжается жизнь на гетских поселениях, функционируют могильники. На ряде гетских памятников IV в. до н.э.

зафиксирована скифская керамика, появление которой совершенно справедливо связывают со скифским этническим присутствием /Мелюкова, 1979; Iztimta, 1984/. По-видимому, длительное пребывание скифов во фракийской среде привело к оседанию какой-то их части и, возможно, даже к смешению с местным населением. Что касается области расселения скифов, то пока их присутствие более всего фиксируется на востоке Добруджи. Открытие скифских погребений на севере Болгарии делает возможным расширение их ареала вплоть до восточных отрогов Балканского хребта, хотя о степени их влияния здесь судить пока затруднительно.

В своих попытках закрепления и, возможно, расширения территории скифы столкнулись с трибаллами, передвижение которых к устьям Дуная зафиксировано в письменных источниках, с истрианами /очевидно, фракийским племенем/ и с Македонией, которая в предверии восточных походов обеспечивала безопасность своих тылов. Возглавляет эти события со стороны скифов царь Атея, личность которого, как и скифо-македонский конфликт и его последствия получили неоднозначную оценку в отечественной и зарубежной историографии. Исходя из самостоятельного анализа источников о характере военной деятельности Атея, мы разделяем мнение тех исследователей, которые предлагают видеть в нем не главу огромного скифского государства, а предводителя небольшого военно-политического объединения, действовавшего в районе Нижнего Подунавья. В этой связи и последствия скифо-македонского конфликта оцениваются не как губительные для всей причерноморской Скифии, а как имеющие локальный характер, обескровившие население западных областей Скифии и затормозившие, но не прекратившие передвижения скифов на Балканы.

Подобный вывод согласуется и с оценкой дальнейшей этно-политической ситуации в Подунавье. До сих пор традиционным было мнение, что скифы после поражения Атея потеряли свое главенствующее положение в Буджаке и с возрастанием политической активности гетов окончательно отошли за Днестр. Современное состояние источников позволяет отказаться от такой трактовки. Невзирая на усилившийся приток в Буджакскую степь фракийцев, осваивавших удобные для земледелия территории и проживавших в неукрепленных поселениях, здесь, как то показывают стационарные могильники второй половины IV - начала III в. до н.э. по-прежнему проживало скифское население. О политической активности скифов сообщают и древние авторы, говорившие о разгроме скифами Зо-пириона и участии их совместно с фракийцами в качестве союзников

греческих городов в борьбе против Лисимаха. После рубежа IV—III вв. до н.э. присутствие скифов в Буджакской степи не фиксируется, но они известны в Добрудже. Тогда же, судя по хронологическому членению материалов Тираспольских курганов /Полин, 1989/ скифы исчезают и с левобережья Днестра.

Оценивая причины оставления скифами этого региона, приходим к выводу, что характерное для Подунавья во второй половине IV в. до н.э. обострение военно-политической обстановки не могло привести к полной ликвидации скифов. Основные причины кроются в общем кризисе и упадке всей степной Скифии к началу III в. до н.э. Обостренная ситуация на западных землях являлась способствующим, но не определяющим фактором, приведшим к уходу оттуда скифов.

Что касается гетов, то они никогда не достигли в Буджакской степи того могущества, что скифы. Наибольший всплеск их активности здесь известен по сообщениям древних авторов, говорящих о войне гетского царя Дромихета с Лисимахом и локализующих боевые действия в "гетской пустыне". Однако с учетом современных разработок, признание получило мнение ряда исследователей о том, что Буджак в лучшем случае мог быть только периферией гетского государства, которое просуществовало весьма недолго и распалось после смерти Дромихета.

Отрицая как первопричину ухода скифов из Буджака внешний фактор, отметим, что в противном случае нереальной была бы возможность закрепления скифов в Добрудже и создания там своего государства.

Глава III. Малая Скифия в Добрудже. По Страбону известно, что вследствие массового переселения скифов на правый берег Дуная, какая-то часть Добруджи была поиманована "Малой Скифией". Весь комплекс имеющихся источников — письменных, эпиграфических, нумизматических — показывает, что расселение здесь скифов сопровождалось становлением основных элементов государственности, а именно: завоеванием и установлением политического контроля над определенной территорией, формированием верховной власти, а соответственно и аппаратом управления, появлением собственной денежной единицы. Все эти данные обусловили употребление в специальной литературе применительно к Малой Скифии в Добрудже термина "государство".

Для понимания места и роли Малой Скифии в жизни населения Западного Причерноморья нами предпринята попытка определения ее границ. Совокупность источников предполагает динамику становления Малой Скифии, во многом обусловленную изменениями во внешнеполитической обстановке в регионе — стабильностью полисов, возникновением и

распадом фракийских формирований. Так, если для начального периода существования скифского государства в Добрудже его южные рубежи реально искать, на основании указаний Деметрия Каллатийского, у Дионисополя, то в период его расцвета происходит расширение границ вплоть до Одесса. В пользу такого вывода свидетельствуют два аргумента: 1/использование скифскими династами монетных мастерских города Одесса для выпуска своих эмиссий; 2/заинтересованность граждан Одесса в добром отношении к их городу царя скифов Канита, что нашло выражение в декрете из Варны. Согласно сведениям письменных и эпиграфических данных о наличии у городов хоры, восточные границы скифов проводятся вблизи сельских территорий полисов. Судя по сообщению Плиния Старшего, Малая Скифия имела выход к морю в районе мыса Калиакра.

Северные границы определяются на основании эпиграфических и нумизматических свидетельств о деятельности в районе Истрии на протяжении длительного времени фракийских военно-политических формирований под руководством Москона, Залмодегика, южнее Истрии, ближе к Томам.

О западных границах в нарративных источниках нет никаких указаний, что позволяло исследователям проводить их по течению Дуная. На основании современного состояния источников этот вывод не подтверждается. Монолитность гетской культуры нарушается присутствием скифских черт, как то: лепная керамика на поселениях и могильниках, отдельные погребения — только в восточной части Добруджи. Чужеродной влияние на остальной части Добруджи не прослеживается. Кроме того, картографированием царских монет установлено, что они обращались только среди населения восточной части Добруджи. В то же время, нумизматическая карта этого района показывает, что во фракийской среде широкое хождение имели городские монеты и эмиссии эллинистических правителей, а у населения юго-западной Добруджи — и монеты гето-дакийских царей. Т.о., Малая Скифия в период своего расцвета может быть размещена в прибрежной зоне Добруджи, между Одессом и Истрией. На востоке ее владения граничат с хорой полисов, в ряде мест имея выход к морю. Западные границы определяются условно, по археологическим и нумизматическим данным не далее 50–60 км от восточных. Центр государства локализуется между Каллатией и Дионисополем.

Подобная ограниченность территории не позволяет видеть в Малой Скифии мощное политическое объединение, подчинившее все западнопонтийское побережье. Его влияние распространялось лишь на близлежащие

полисы и проживавшее здесь исконно гетское население и было существенно ограничено целым рядом гетских военно-политических объединений, существовавших в этот период в Северо-Восточной Фракии.

Территория Добруджи являлась местом проживания фракийцев. Формирование в ее прибрежной части Малой Скифии предопределило возникновение в историографии различных точек зрения по вопросу об этническом составе ее населения. Выделяются три основные версии: объединение гетов /ТасеIIа, 1900/; объединение скифов /НапзакIе, 1933/; полиэтничное объединение во главе со скифскими правителями /Орешников, 1915/. Анализ всех источников - письменных, эпиграфических, нумизматических и археологических - позволяет с уверенностью говорить о полиэтничности населения Малой Скифии, включившей в свой состав как самих скифов, так и гетов, греков, а на заключительном этапе, возможно, и бастарнов. По крайней мере обособленной, чисто скифской зоны, в Добрудже не отмечено.

Отдельный раздел этой главы посвящен анализу монетного дела и денежного обращения Малой Скифии. Нумизматический материал - пока самый полновесный источник по истории Малой Скифии, сохранивший имена шести скифских правителей - Тануса, Канита, Сариака, Акросы, Хараспа и Айлия. Сейчас известно около 100 монет, типологически близких к эмиссиям западнопонтийских городов. Основные сведения о них содержатся в зарубежной литературе, среди которой самым полным является свод монет, выпущенный в 1950 г. румынским исследователем В.Канараке. Дополнив его новыми типами, мы предприняли самостоятельный анализ царских эмиссий с разбивкой их по типам, вариантам и систематизацией весовых данных. По стилю монет определено, что в выпуске их участвовали монетные мастерские Том, Одесса, Дионисополя и Каллатии. Наибольшее их количество выпущено в Томах. Основная концентрация находок монет отмечена между Каллатией и Одессом, в нескольких случаях - на территории городов.

Со времени введения монет в научный оборот эмиссии правителей Малой Скифии воспринимались как яркое свидетельство зарождения и развития в скифском обществе товарно-денежных отношений. Определенный скептицизм по этому поводу появился только в ряде последних работ, где указывается на демонстративный характер царских эмиссий. Выводы эти мало обоснованы. Не отрицая преобладания в экономике Малой Скифии натурального обмена, можно полагать, что тесные и длительные экономические контакты скифского населения с близлежащими греческими городами стали катализаторами зарождения в скифском обществе денежного обращения и привели к необходимости появления собственной

монеты. Точное повторение ею, за исключением легенды на реверсе, полисных выпусков облегчало ее беспрепятственное хождение и среди местного и среди городского населения.

Самым дискуссионным вопросом по истории Малой Скифии является определение хронологических рамок ее существования и времени правления известных царей. В историографии существует несколько точек зрения, полярные из которых дают широкий хронологический разброс: III—I вв. до н.э. — конец II — начало I в. до н.э.; соответственно правление царей видится последовательным или синхронным.

На основе анализа источников и оценки историко-политической ситуации в регионе может быть сделан вывод о существовании Малой Скифии в пределах конца III — начала I в. до н.э. и непрерывности правления известных шести царей в следующей последовательности: Танус—Канит—Сариака—Акроса—Харасп/?—Айлий/?/.

Наиболее четко датируется правление Канита, Сариака и Акросы: Канит упомянут в декрете граждан Одессы в честь антиохийца Гермия, который уверенно датируется рубежом III—II или началом II в. до н.э. /Траков, 1939/; за царя Сариака поставлен алтарь Диоскурам македонцем Антигоном, в котором видят полководца Филиппа V Македонского /Лазаров, 1985/; время правления Акросы определяется по кладу из Болгарево, содержавшего 4 монеты этого правителя и 4 статера Лиси-маха, дата выпуска которых определена между 140—120 гг. до н.э. /Андрух, 1990/. Последовательность их правления находит подтверждение и в выпуске их монет одними и теми же монетариями, которые ставили на реверсе сокращения своих имен. Одним из таких сокращений связаны монеты Тануса и Канита, которого мы считаем первым правителем. Правление хараспа и Айлия приходится, по-видимому, на конец существования Малой Скифии.

Конечная дата существования Малой Скифии связывается со временем включения Западного Понта в антиримскую коалицию под эгидой державы Митридата VI Евпатора в начале I в. до н.э. Позднейшие источники о реальных скифах в Добрудже не упоминают.

Формирование скифского государства в чужеродной ему этнической среде, вобравшего в себя к тому же часть фракийской территории с проживавшим на ней населением не являлось безболезненным и одновременным актом. В начале его становления несомненно вооруженные столкновения с местными народами. Страбон, говоря о массовых передвижениях скифов, отмечал конфликты их с фракийцами в борьбе за обладание территорией. По Страбону, на начальном этапе скифы освоили болотис-

тые земли, что в условиях Добруджи соответствует дельте Дуная. Однако, в период сложения своей государственности скифы там уже не отмечаются. Наоборот, по эпиграфическим и нумизматическим данным на севере Добруджи фиксируются фракийские объединения, которые, очевидно, оттеснили скифов к югу, в район Том и Дионисополя. Закрепившись на отвоеванных землях, скифы установили свое господство над греческими городами от Том до Одесса, определенное Ю.Г.Виноградовым как "система варварского протектората" /1989/. За исключением крайне скудных сведений о взаимоотношениях Малой Скифии с фракийцами и греками в Добрудже, известны источники, позволяющие говорить об эпизодических контактах и с более отдаленными центрами.

В первую очередь на это указывают эпиграфические материалы. Так, декрет из Одесса говорит о пребывании в ставке Канита некоего антиохийца Гермия. Декрет датируется временем активизации во Фракии Селевкидов, привлекавших на свою сторону греков и некоторых варваров. Упомянутый Гермий вполне мог быть лицом, проводящим политику Селевкидов среди скифов, а заодно и греков побережья.

Второй документ - это алтарь Диоскурам, поставленный Антигоном, в котором видят полководца, руководившего переходом бастарнов через Фракию. Известно, что Филипп У для обеспечения безопасности их перехода подарил местных предводителей. Если считать, что путь бастарнов пролегал через владения скифов, что вполне вероятно, судя по карте античных дорог /Домарадски, 1984/, то можно усматривать царя Сариака в числе одаренных Филиппом предводителей.

Имеются скудные данные и о связях Малой Скифии с Северным Причерноморьем. В Тире, Ольвии и у с.Котловина на левобережье Дуная известны находки монет Канита, Сариака, Хараспа. Открытие тризны в составе могильника Курчи II со скифской керамикой конца III - начала II в. до н.э. свидетельствует, возможно, о прямом присутствии здесь каких-то представителей Малой Скифии. Характер их связей в Северном Причерноморье неясен. По-видимому, превалировали контакты экономического характера.

Заключение. В результате проделанного исследования стало возможным говорить о заселении скифами Буджакской степи синхронно с освоением ими степных пространств Северного Причерноморья и проводить западные границы скифского мира с конца VI по рубеж IV-III вв. до н.э. по Пруту и Дунаю. Близость к Фракии не оказала существенного влияния на развитие скифской культуры. Определенное своеобразие наблюдается только в начале использования в скифском быту в IV в.

до н.э. фракийских вещей.

С расселением скифов на левобережье Дуная и их захватнической внешней политикой происходят определенные изменения в этно-политической обстановке в регионе. Территориальным притязаниям скифов в V в. до н.э. противостоят на западе одрисы и агафирсы. С распадом Одрисского царства в IV в. до н.э. начинается новый этап скифской экспансии на Балканы. Продвижение скифов в начале его сдерживается силами фракийцев /истрианов и трибаллов/ и Македонии, столкновение с которой подорвало позиции скифов в регионе. В дальнейшем угроза подчинения Македонии населения Нижнего Подунавья привела к консолидации проживавших здесь народов и сложению тройственного антимакедонского союза скифов, фракийцев и греков, разгромленного Лисимахом.

С упадком Великой Скифии в начале III в. до н.э. и ликвидацией македонского господства во Фракии завершается перемещение скифов в Добруджу. Всесторонний анализ источников показывает, что здесь формируется полиэтничное государство во главе со скифскими царями. Влияние его распространяется только на близлежащее население западно-понтийского региона. Дальнейшее обострение военно-политической ситуации на Балканах, вызванное римско-македонскими войнами и римско-понтийским противостоянием, привело к окончательному уходу скифов с политической арены.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Монета скифского царя Хараспа из раскопок Тиры// Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1984. - С.143-148.
- 2.Курганы у с.Плавни в низовьях Дуная. М., Деп. в ИНИОН АН СССР. 13.06.85. №21110. - 153 с. Соавторы: А.О.Добролюбский, Г.Н.Тошев.
- 3.Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная// Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук.думка, 1987. - С.38-46. Соавтор: Е.Ф.Суничук.
- 4.Скифы Нижнего Подунавья// Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез.докл. Киев: Наук.думка, 1987. - С.9-10.
- 5.Скифы III-II вв. до н.э. Дунай-Днестровского междуречья//Киммерийцы и скифы. Тез.докл.Всесоюз.семинара, посвящ.памяти А.И.Тереножкина. Кировоград, 1987. - С.16-18.
- 6.О контактах Малой Скифии в Добрудже с Северным Причерноморьем // Тез.докл.обл.науч.-практ.семинара "Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе". Донецк, 1989. - С.153-154.
- 7.О контактах Малой Скифии в Добрудже с окружавшим миром// Древнее Причерноморье/ чтения памяти проф.П.О.Карышковского / Одесса, 1989. - С.8-10.

8. Об этнической принадлежности населения Малой Скифии// Проблемы истории та археології давнього населення Української РСР. Тези доповідей. Київ: Наук.думка, 1989. - С.6-7.

9. О территории Малой Скифии в Добрудже// Тез. докл. Всесоюз. конф. "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья", посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Б.Н.Гракова. Запорожье, 1989. - С.11-13.

10. Монеты царя Сариака// История и археология Нижнего Подунавья/ чтения памяти проф. А.И.Доватура/. Тез. докл. науч.-практ. семинара. Рени, 1989. - С.62-63.

11. Эмиссии скифских правителей в Добрудже// Проблемы археологии Северного Причерноморья/ к 100-летию основания Херсонского музея древностей/. Тез. докл. юбилейной конференции. Ч. третья. Херсон, 1990. - С.43-45.

12. К вопросу о датировке монет скифского царя Акросака// Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев: Штиинца, 1990. - С.83-89.

13. Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья// СА. 1990. №2. - С.149-163. Соавтор: С.И.Чернов.

14. Становление Малой Скифии в Добрудже и ее отношения с окружающим миром// Древнее Причерноморье. Материалы I Всесоюзных чтений памяти проф. П.О.Карышковского. Одесса, 1990. - С.10-22.

15. До питання про перебування скіфів у Північно-Західному Причорномор'ї// Археологія. 1990. №1. - С.20-32.

AB 25.918